

A black crow is shown in flight in the upper right corner of the image, its wings fully extended. The background is a misty, overcast forest with bare trees. In the foreground, a black crow stands on the ground, facing right. The overall mood is somber and mysterious.

Марк Бессонов

# Эфир. Чужие голоса

18+

Эфир

Марк Бессонов

**Эфир. Чужие голоса**

«Автор»

2026

## **Бессонов М.**

Эфир. Чужие голоса / М. Бессонов — «Автор», 2026 — (Эфир)

Они отключили первый генератор и выжили. Полгода тишины — и новый сигнал из бункера, который считали пустым. След приводит к бывшему капитану Козыреву, десять лет ведущему войну с системой «Дрессировщик». Восемь генераторов инфразвука — восемь целей, и Кондратий в их числе. Лена находит девятый передатчик: система растёт. Таймеры запрограммированы, за ними следят вороны-ретрансляторы, а из бункеров звучат голоса погибших. Кондратию предстоит пройти через иллюзии и вскрыть пирамиду создателей, уходящую в военные архивы. Но система уже опознала его, и цена вторжения — место в списке смертников для них обоих. Военный технотриллер, где враг — частота, а любовь — единственное, что держит на краю. Придётся выбирать: стать как Козырев или найти свой путь, пока тикает таймер.

© Бессонов М., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

Глава 1. Новый сигнал	5
Глава 2. Встреча с Козыревым	8
Глава 3. Флешка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

# Марк Бессонов

## Эфир. Чужие голоса

### Глава 1. Новый сигнал

Полгода. Достаточный срок, чтобы любая руина стала домом. А любой звук — частью тишины. Ну, почти частью.

Кондратий сидел на крыльце новой вышки — спиной чувствовал холодную, жесткую гладь бетонного основания. Строительство замерло, бетон схватился намертво, а провода не натянуты — висели мертвыми петлями, ждали тепла. Которого всё не приносила эта долбаная, затянувшаяся зима.

От него пахло дешевым табаком, машинным маслом и... порохом. Куда этот запах вьелся, с мылом не отскребешь. Кожа, волосы, подкладка куртки — всё пропиталось. Плечи больше не сутулились — Кондратий стал собраннее, взгляд приобрёл ту особую твердость, какая бывает у людей, переставших ждать удара и начавших высматривать угрозу первыми. Сам не заметил, когда так вышло.

Половица привычно скрипнула — предсказуемо, как метроном. Лена вышла из дверного проема, протягивая кружку. Та же щербатая керамика, те же глубокие трещины. Раньше бесили, напоминали о хрупкости мира, а сейчас... ну, шрамы. Просто шрамы. Как у них самих.

— На улице ветер, — тихо сказала она, присаживаясь рядом. — Провода гудят.

Кондратий сделал глоток, обжёгся — чёрт, горячий, — посмотрел вверх, туда, где между опорами гулял сквозняк.

— Пусть гудят, — отозвался он. — Главное — чтобы не рвались.

Они молчали. Это было комфортное, тяжелое молчание людей, которые вынырнули из ада и научились дышать под водой. Я, например, до сих пор иногда просыпаюсь и проверяю, дышу ли. Глупость, да.

Внутри, за грудой аппаратуры, приёмник ждал своего часа. Кондратий вошёл в комнату, Лена — за ним, привычно заняла место у стола. Началась проверка частот.

— 19 Гц — чисто, — монотонно произносил Кондратий, крутя ручку. — 17 Гц — чисто. 21 Гц — чисто. 18 Гц...

Частота Козырева молчала. Слишком долго. Лена не спрашивала — хорошо это или плохо. Она просто знала.

Кондратий чихнул. Коротко, по-военному резко.

— Будь здоров, — машинально отозвалась Лена.

Кондратий замер, приложив руку к челюсти. Внутри кольнуло — привычное суеверие: раньше он чихал три раза, не меньше. Сейчас — всего один. Счётчик сбился? Или беды вокруг стало так много, что он перестал её замечать? Суеверие никуда не делось. Просто притихло, как зверь в спячке.

— Ты когда-нибудь думаешь о нём? — спросила Лена, глядя, как он трёт ноющую скулу.  
— О Козыреве?

Кондратий не ответил сразу. Подошёл к окну, вглядываясь на восток. На единственном натянутом стальном тросе сидела ворона. Чёрная, неподвижная, как клякса на сером небе. Он выдержал несколько долгих секунд тишины — слышал, как в ушах пульсирует кровь. Вжик, вжик, вжик — не ритм, а какой-то сбитый маятник.

— Каждый день, — наконец ответил он. — Он обещал выйти на связь. Не вышел. А эта птица... она будто приставлена следить за тем, как мы ждём.

Позже Козырев объяснил принцип. По сути — бионические пассивные отражатели. Никакого передатчика, только микрочип с пьезоэлементом. Преобразует колебания воздуха в радиоимпульс — и на спутник. Технология известная, с восьмидесятых: проект «Акустик» в США и наш «Колибри» в СССР. Но тогда на подводных лодках. А не на птицах.

Кондратий привык к ней. Почти привык. Это «почти» зудело где-то глубоко в затылке — мол, тревога никуда не исчезла, задвинута в угол.

Ночь накрыла вышку внезапно. Кондратий дремал, положив голову на сложенные руки. Лена спала в соседней комнате.

Приёмник ожил без предупреждения.

Резкий всплеск на частоте 21 Гц — как удар хлыстом. Кондратий подскочил: по позвоночнику мгновенно пробежал ледяной сквозняк, сердце пропустило удар, дыхание перехватило. Сигнал шёл с запада. Из бункера, который они считали пустым.

— Опять? — Лена появилась в дверях, куталась в одеяло, глаза — тёмные провалы.

— Опять, — Кондратий лихорадочно записывал данные. — И это не Козырев. Другая модуляция. И... самое поганое — он включился сам. Никто не касался тумблера.

Тишина зазвенела. Они смотрели друг на друга, и в этом взгляде было осознание: их покой — только передышка. Не награда.

Утро принесло не облегчение, а холодную решимость. Карта на столе — карандашные пометки. Кондратий обвёл кружком бункер за лесополосой.

Перед выходом достал жестянку. Внутри — всё то, что составляло их прошлую жизнь: жетон Сани, пожелтевшее фото Сергея, флешка Козырева, сложенный вчетверо листок Лены с расчётами. Коснулся пальцами — будто проверял, цел ли фундамент, — и закрыл крышку.

— Это другая модель, Лена. Другой оператор. — Он убрал карту. — Значит, Круглов был не единственным. И кто-то включает их методично.

— Я пойду с тобой, — отрезала она.

Сборы короткие. Лена привычным движением сунула скальпель в потайной карман — проверено. Кондратий проверял карабин. Пальцы вдруг вспомнили, как холодно в бункере. И запах — озон и сахар. Чёрт, опять этот запах.

Вечером вышли на крыльцо. Ворона всё ещё сидела. Склонила голову, каркнула — сухо, почти механически, — и тяжело сорвалась, полетела на запад.

Кондратий проверил фонарь, не глядя на Лену. Лицо каменное, непроницаемое.

— Идём. Пора, — сказал он.

Он не добавил «выясним, кто завёл эту шарманку». Потому что оба знали: шарманка могла завестись сама. Без человека. Шагнули в сумерки, к лесу. Навстречу неизвестности, у которой теперь был голос. Но не было имени.

## Глава 2. Встреча с Козыревым

Рассвет не принёс света. Просто сменил черноту на серую, влажную муть. Лес был мёртв: голые ветки ольшаника царапали небо, под ногами чавкала мягкая, пропитанная гнилью земля. Хлюп-хлюп — каждый шаг как вздох утопленника. Кондратий двигался бесшумно — почти сливался с туманом. Лена держалась в паре шагов позади.

Следы свежие: примятая трава, сломанная ветка — ещё иней не покрыл. Возле входа в старый бункер Кондратий остановился. Опустился на одно колено, коснулся головки болта на люке. Металл холодный, но на поверхности — свежая острая царапина. Кто-то работал ключом сегодня ночью.

— Смотри, — тихо сказал он, растирая пальцы. — Работали недавно.

— Здесь кто-то живёт, — констатировала Лена, сжимая фонарь.

— Или жил, — поправил Кондратий, потянувшись к ручке.

Люк поддался без скрипа — петли обильно смазаны. Из чёрного провала потянуло теплом, озоном и густым дымом папирос. Запах — такой, будто кто-то очень давно забыл выключить вентиляцию. Впивался в ноздри, напоминал: жизнь, которая забыла, что такое свежий ветер.

Спуск долгий. Скобы скользкие, холодные. Внизу — коридор с тусклыми аварийными лампами. Кондратий шёл первым, внутри нарастало холодное напряжение — в груди, нет, глубже, в животе. Как перед атакой, только атаки не будет.

В зале, где когда-то пульсировал генератор Круглова, царил полумрак. На ящике из-под снарядов сидел человек. Услышав шаги, медленно обернулся.

— Козырев, — выдохнул Кондратий.

Это был он, но от того человека, которого они искали полгода, осталась тень. Лицо осунулось, обросло жесткой седой щетиной, на виске — багровый свежий шрам. Одет в выцветшую форму без знаков различия. На столе — хаос, ставший системой: карта с флажками, приёмник, консервная банка, доверху забитая окурками, и кружка с остывшим чаем.

Рядом фотография: женщина и девочка, застывшие в смехе. Пальцы Козырева, пока он говорил, бессознательно, почти ласково касались краев снимка. Лена видела — и поняла: больше отчаяния, чем в любом признании.

— Садись, Попов. — Голос сухой, хриплый. — Я давно не капитан, Попов. Здесь нет званий. Только выжившие. Так что убери «товарища капитана» и говори как есть.

Кондратий кивнул. Армия кончилась в Алуште. Дальше устава не было.

— Я следил за тобой. Знал, что полезешь в бункер Круглова. Ты всегда был чертовски упрямым.

Закурил, не сводя глаз с Кондратия.

— Помнишь Алушту? Не ту, что в газетах. Кто-то сверху отдал приказ. Мы были подопытными, Кондратий. Испытывали на своих.

Развернул карту. Восемь флажков. Шесть перечёркнуты жирным крестом.

— Шесть операторов найдено, — выдыхая дым. — Один — Круглов. Остальных я вычистил сам. Седьмой — здесь, я отключил его вчера. Восьмой — на востоке. У тебя меньше двух суток. Таймер запущен.

Полез в карман, выложил флешку. К ней — самодельный брелок: крошечный металлический самолётик со сломанным крылом.

Кондратий полез в карман за валидолом. Пальцы наткнулись на твёрдое — старая конфета «Буревестник». Фантик выцвел до белизны. Носил с самой Алушты. «Топливо для космонавтов», — сказал Саня тогда, в блиндаже.

Козырев заметил. Ничего не сказал — только отвёл глаза.

Кондратий убрал конфету обратно. Взял флешку, самолётик качнулся на шнурке — как раненый в полёте.

— Здесь записи. Я взломал их сеть. Все генераторы завязаны на центральный сервер. Если я отключу восьмой — они узнают. Ты теперь в системе. Твоя частота, твой голос, твой код.

— А если я не хочу продолжать? — Кондратий сжал кулак, металл брелока впился в ладонь.

Козырев усмехнулся — коротко, безжизненно.

— Ты уже продолжил. Ты здесь.

Встал, собрал остатки снаряжения: рюкзак, приёмник, старый ПМ, завернутый в промасленную тряпку.

— Вы вооружены, — заметила Лена.

— Они тоже, — отрезал Козырев.

Подошёл к лестнице, бросил последний взгляд на Кондратия.

— Береги его, — сказал Лене. — Он полезный.

Лена выпрямилась, голос твердый:

— Я берегу. Но он не слушается.

На измученном лице Козырева — тень, почти улыбка. Не ответил. Шагнул в темноту шахты.

Шаги стихли. Кондратий остался стоять в центре зала. Сжимал флешку, смотрел на пустой ящик — там только что сидел человек, прошедший этот ад в одиночку. Потом перевёл взгляд на Лену. Она стояла в тусклом свете — твердая, живая, настоящая. Выдержала его взгляд, не отвела.

— Идём, — наконец сказал Кондратий.

Поднялись на поверхность. В руках — бремя знания, которое уже нельзя вытряхнуть. Вышли не охотниками, а теми, кого загнали в лабиринт, где выход только победа. Карта есть. Пути назад нет. Только тиканье таймера — в каждом порыве ветра.

## Глава 3. Флешка

Вечер вполз на вышку незаметно — принёс запах сырого бетона и остывающего чая. Лена поставила жестяной чайник на плитку. Шипение... такое привычное, а сейчас неестественно громкое. Будто кто-то усилил звук. Кондратий сидел за верстаком не шевелясь. Перед ним на столе лежала флешка. Поцарапанная, выдавшая виды, с нелепым брелком — самолётик со сломанным крылом. Качался. Чуть-чуть.

Лена села рядом. Поставила две щербатые кружки.

— Ты будешь слушать? — спросила она.

Кондратий не сразу поднял взгляд. Пальцы, привыкшие к тяжести карабина, сейчас выглядели почти неуклюже, когда он касался пластика.

— Да, — глухо отозвался. — Но не знаю, готов ли.

— Я с тобой. — Она положила руку на стол. — Если хочешь — уйду.

— Остайся.

Вставил флешку в старый ноутбук. На экране поползли строки: даты, цифры, имена файлов. Нажал «Play».

Сначала — только шум, помехи. А потом из колонок вырвался голос. Живой, молодой, почти весёлый.

«Маш, я сегодня вернулся с учений. Ты не представляешь, что здесь было...»

Он говорил о погоде, о том, как скучает. А потом — пауза, и тише: «Говорят, была ошибка. Но я не верю».

Перематывали. Месяц, два, полгода. Записи ложились друг на друга, как слои пыли. Голос менялся. Тепло уходило — сменялось жесткостью, потом хрипотой. Паузы между фразами растягивались, становились глубже слов.

«Маш, ты не берёшь трубку. Я понимаю. Я видел тебя там, в поле. Ты стояла и плакала. Я подошёл... тебя нет».

Лена коснулась его предплечья — едва заметно, словно напоминая: я здесь.

«Аня, доченька, если ты это слушаешь — папа тебя любит. Я не сумасшедший. Я просто хочу найти тех, кто это сделал».

Последняя запись. Голос уставший, почти безжизненный.

«Я нашёл шестого. Он был техником на полигоне. Сказал, что не знал. Но я видел его глаза — он знал».

Длинная пауза. Только тяжёлое, хриплое дыхание в микрофон.

«Маша, если ты когда-нибудь это услышишь... я не хотел стать таким. Я просто перестал бояться. И от этого всё».

Тишина сгустилась. Кондратий выключил ноутбук. Закрыв глаза — и увидел Козырева молодым, смеющимся, в форме, под ярким солнцем. Смех был настоящим, живым. Открыл глаза — за окном холодная, мёртвая луна. И поле пустое.

Лена протянула руки, взяла его ладони в свои. Держала крепко, не отпуская.

Кондратий встал, подошёл к окну.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.